

Таким образом, компонент *стоит / стоило* выступает как структурообразующий как в простых предложениях устойчивого типа, так и в сложных фразеологизированных конструкциях. Простыми предложениями передается значение недифференцированной оценки, слова *стоит, стоило* сохраняют свою глагольную частеречную принадлежность. В сложных предложениях с постоянным компонентом *стоит / стоило* в сочетании с инфинитивом выражаются разнообразные синкретичные смысловые отношения: условно-временные, условно-причинные, условно-целевые, условно-причинно-целевые; компонент *стоит / стоило* обнаруживает лексико-грамматический синкретизм: сохраняя внешние грамматические признаки глагольности (показатели категории времени) и относительную лексическую полноценность в виде семантики модальности, он выполняет служебную синтаксическую функцию и выступает как аналог союза.

Список использованных источников

1. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 378 с.
2. Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. ; под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.
3. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование : монография / А. В. Величко. – М. : МАКС Пресс, 2016. – 416 с.
4. Русская грамматика : в 2-х томах. Т. II. Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 712 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 30.09.2021.
6. Бабайцева, В. В. Явления переходности в грамматике русского языка : монография / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
7. Прияткина, А. Ф. Союз и его функциональные аналоги / А. Ф. Прияткина // Синтаксические связи в русском языке / отв. ред. А. Ф. Прияткина. – Владивосток : ДВГУ, 1978. – С. 45–56.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 4. С–Я. – 1984. – 794 с.

Abstract. The article is devoted to the semantics and grammatical status of the permanent component of the *worth / cost* in Russian phraseologized syntactic constructions. In simple sentences of a stable type expressing the meaning of an undifferentiated evaluation, the component retains a verbal partial affiliation. In complex constructions, syncretic semantic relations of conditionality are expressed (conditionally causal, conditionally targeted, etc.); the words *worth / cost* reveal grammatical syncretism, combining the lexical and grammatical features of the significant part of speech and the service syntactic function of the analogue of the union.

Keywords: syntactic phraseologized construction, undifferentiated evaluation, conditionality relations, grammatical syncretism, union analog.

УДК 811.16'246.3'373

Л. Л. Фёдорова

ОБРАЗЫ И ИДИОМЫ В ЯЗЫКЕ РЕЗЬЯНСКИХ СЛАВЯН

Аннотация. Статья посвящена резьянскому микроязыку, относящемуся к южнославянским языкам и сохранившему многие архаические черты как в грамматике, так и в лексике и фразеологии. Научное изучение резьянского языка было начато Бодуэном де Куртенэ еще в 70-е гг. XIX в., однако до сих пор он остается недостаточно исследованным. В статье приво-

дятся примеры образных топонимов, дается краткий обзор устойчивых фразеологических сочетаний на базе глаголов и предложных конструкций, рассматриваются идиомы со значением семейного сходства, а также приводятся основные устойчивые формулы, используемые в речевой практике.

Ключевые слова: резьянский микроязык, топонимы, устойчивые формулы, выражение семейного сходства.

Резьяне – народ, уже полторы тысячи лет обитающий на севере Италии в долине Альпийских гор в общине Резия; они говорят на южнославянском языке, который сохраняет многие архаичные черты. Этот язык (*Rošajanske Romonenj / langač*) засвидетельствован в письменной традиции с конца XVIII в. и считается литературным микроязыком, в соответствии с определением А. Д. Дуличенко [1], однако он не имеет общей литературной нормы, сохраняя особенности местных диалектов, как фонетические, так и лексические. Язык исследовался со второй половины XIX в. И. И. Срезневским [2], а затем Бодуэном де Куртенэ, который опубликовал и некоторые тексты [3; 4]. Число носителей резьянского языка в настоящее время порядка 1000, все они двуязычны, сам язык находится под угрозой исчезновения, однако резьяне сохраняют и отстаивают свою национальную идентичность.

Резьянский язык имеет свою идиоматику, в которой отражается своеобразный взгляд на окружающий мир. В лексике и фразеологии встречаются узнаваемые образы славянской древности, но присутствуют и особенные черты.

Образные именованья встречаются уже в топонимике Резии; многие объекты имеют двойные названия, итальянские и резьянские, например деревни: ит. *San-Giorgio* – рез. *Bilä*, т. е. Белая, ит. *Prato di Resia* – рез. *Ravänza*, т. е. ‘маленькая равнина’. Река Резья, в долине которой с конца VI в. стали селиться славянские племена, носит резьянское название *Valika woda* ‘большая вода’, известны другие местные водоемы – *Čärny potok* ‘черный поток’, *Šaleni vîr* ‘зеленый омут’ (напоминает старинную поговорку *Mur kak vîr*); названия двух горных вершин в долине реки Резьи – *Valika Baba* и *Maja Baba* ‘большая баба’ и ‘малая баба’, названия местности *Korîto* – ‘корыто’, *Lipovâz* ‘маленькая липовая роща’ и др. Эти и многие другие местные наименования были отмечены еще Бодуэном де Куртенэ в его работе «Резия и резьяне» [4]; во время полевых исследований им были собраны богатые материалы, заметки для словаря резьянского языка, опубликованные лишь частично Н. И. Толстым [5].

Современные лингвисты исследуют грамматические особенности резьянской грамматики, в частности глагольной системы (Х. Стинвейк [6], Р. Бенаккьо [7], Д. Сичинава [8]), лексике уделяется меньше внимания. Настоящие наблюдения основаны на материалах Бодуэна де Куртенэ и на работе резьянской коллеги Nadie Clemente [9] и ее записях, которыми она любезно поделилась.

Некоторые распространенные резьянские слова являются сращениями идиоматических сочетаний, например:

böholo < *böhow lok* – ‘радуга’, букв. ‘богов лук’;

Bohow-din – ‘воскресенье’;

prädnën < *prädnën* – ‘раннее утро’, букв. ‘перед днем’;

točikej < *v toliče kej* (< *toliko*, сравн. *малая толика*) – ‘только что’;

počasû < *po časû* – ‘медленно’;

wdümu < *w dümu* – ‘быстро’ (так что поднимается пыль, ‘дым’) [9, с. 33, 35].

Сохраняет резьянский язык и старинные обороты с предлогом *po* ‘по’ в значении цели: *tet po kroh* ‘пойти за хлебом’; *Tazé po sěno* – ‘Иди за сеном’; *tet po wödo* или *po vir* ‘пойти по воду’; как и в русском, эта конструкция используется по отношению к немногим лексемам, приобретая идиоматизированный характер.

Понятны глагольные устойчивые выражения:

pravet pravizo – букв. рассказывать сказки, т. е. обманывать;

ně morět (gha) vīdēt – букв. не мочь (его) видеть, т. е. ненавидеть;
tet śa tin – букв. идти (следом) за тем, т. е. интересоваться;
tet na taprit – букв. идти вперед, т. е. продолжать;
to pridē račet – букв. это придет сказать – в значении союза ‘то есть’.

Обращает на себя внимание их описательный характер, раскрывающий переносный смысл через буквализацию образов.

В текстах сказок встречаются наречные формулы:

(Tadaj) dān dīn – букв. (тогда) один день, т. е. однажды;

prit nu prit – букв. прежде и прежде, т. е. давным-давно.

Усилительный повтор встречается и в междометном выражении:

Nu bej nu!, где *nu!* – соответствует русскому ну! в функции понукания (в отличие от союза *и*’).

Многие устойчивые речевые формулы с именем бога, отмеченные и Бодуэном де Куртенэ, сохранились в современной резьянской речи:

ś Bughōn – С Богом (формула прощания);

Buh dej – Дай Бог;

Buh ne dej – Не дай Бог;

Buh potaghej – Помоги Бог;

Buh vi – Бог знает;

Buh bo vēdel – Бог бы знал (Бог его знает) [9, с. 32–33].

Эти формулы знакомы и привычны для русского уха. Более своеобразны этикетные формулы:

Buh dej no lehko nuč – Бог дай нам легкую ночь (пожелание спокойной ночи);

Spitē lēpu – Спице хорошо (пожелание спокойной ночи);

Dēlitē dōbār vijāc anu stūjte lēpu śdrow! – Счастливого пути и оставайтесь в добром здравье!;

Tastē lēpo počasu – Идите славно потихоньку (пожелание счастливого пути).

Интерес представляют идиомы ориентации со значениями ‘справа’ и ‘слева’. Они строятся на архаичных фразеологических сочетаниях и, по свидетельству информантов, продолжают использоваться до сих пор. При этом в разных резьянских деревнях говорят по-разному, используя пары прилагательных: *dobār* ‘хороший, добрый’ и *hud* ‘плохой, бедный’ или же *praw* ‘правый’ и *hud*.

Так, в Солбице говорят:

na to dōbro rōko ‘направо, справа’, букв. ‘на добрую / хорошую руку’ и *na to hūdo rōko* ‘налево’, букв. ‘на худую руку’.

В Осоянах, Ниве, Биле говорят немного иначе:

na to prawo rōko – *na to hūdo rōko*, т. е. букв. ‘на правую руку’ – ‘на худую руку’.

Значение ‘правый’ у прилагательного *dobar*, наряду с ‘добрый, хороший’, и ‘левый’ у *hud*, наряду с ‘плохой, бедный’, отмечено в резьянском языке еще Бодуэном де Куртенэ и анализируется Н. И. Толстым при сопоставлении антонимичных пар в разных славянских диалектах (*pravъ, dobrъ, desъnъ – krivъ, lěvъ, hudъ*). Толстой считает, что старославянские формы *ó деснѣжъ, ó шоуѣж* могли представлять собой усеченные фразеологизмы типа тех, что сохранились в резьянском языке [10].

Идиома со значением фамильного сходства также использует конструкцию, характерную для славянских языков, но в собственной версии. Про сына, похожего на отца, могут сказать:

Ė vikrōsōn tej njagha oca – Он ‘выструган с его отца’.

Можно сравнить с македонским:

Плукнат е на татко му – (Он) ‘плюнутый на своего отца’, сравн. также русское: (Он) *вылитый отец*.

Получается, что смысл ‘весь в отца’ передается в трех языках близкими оборотами, но специфика каждого языка проявляется в упомянутом материале: он жидкий у македонцев, деревянный у резьянцев, а в русской формуле можно предположить, что речь о застывшем в форме металле.

Выражение семейного сходства в отрицательных чертах с негативной оценкой во многих языках описывается традиционной формулой, восходящей к библейской: *Яблоко от яблони недалеко падает*. Правда, в разных языках меняются плоды. Так, в македонском говорят:

Круша под круша паѓа / Не паднал подалеку од крушата – Груша под грушей падает / Недалеко от груши упал.

В армянском: *Плод от дерева далеко не падает*.

Мексиканцы про это скажут:

Al pie de la palma cae el coyol – Рядом с пальмой падает койоль (плод).

А резьянцы говорят: *Líšnik an ni spadnwa dalěč wod jarbula* – Орех (фундук) не падает далеко от дерева.

Идея одна, только плоды разные, что кому ближе и понятней.

Среди резьянских поговорок можно отметить одну, в которой заключается особенный юмор:

Vinče ghrében nu-ku patalèn ‘Гребешок больше, чем сам петух’ – со значением ‘много шума, да мало толку’.

Вообще в резьянском фольклоре петух (*patalèn*) – персонаж, к которому относятся с иронией, а в народных сказках действуют известные звери: *lisiza*, *madvèd*, *uk*, *šez* с их знакомыми характерами (Тексты сказок приводятся в [9]).

Резьянский язык представляет собой интереснейший материал для дальнейшего изучения и осмысления. В настоящей работе ставилась цель дать лишь ознакомительный фрагмент резьянской образной лексики и фразеологии.

Список использованных источников

1. Дуличенко, А. Д. Славянские литературные микроязыки: Вопросы формирования и развития / А. Д. Дуличенко, – Таллинн : Валгус, 1981. – 323 с.
2. Срезневский, И. И. Фриульские славяне (резьяне и словины) / И. И. Срезневский. – СПб., 1878.
3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Опыт фонетики резьянских говоров с приложением: «Резьянский катехизис» / И. А. Бодуэн-де-Куртенэ (I. Baudouin de Courtenay). – Варшава : Э. Венде и К° ; Санкт-Петербург : Д. Е. Кожанчиков, 1875.
4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Резья и резьяне / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Славянский сборник – Казань, 1876. – Т. 3, отд. 1. С. 223–371.
5. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Резьянский словарь (под редакцией Н. И. Толстого) / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Славянская лексикография и лексикология. – М. : Наука, 1966. – С. 183–226.
6. Steenwijk, H. The Slovene dialect of Resia. San Giorgio / H. Steenwijk. – Amstredam; Atlanta, GA : Rodopi, 1992.
7. Бенакьо, Р. Префикс *s-* и суффикс *-ni* с мультипликативами в резьянском диалекте (в сопоставлении с русским) / Р. Бенакьо // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – № 24 (2), 2020. – С. 18–32.
8. Сичинава, Д. В. Семантическое распределение альтернативных славянских форм плюсквамперфекта: типологический контекст резьянских наблюдений И. А. Бодуэна де Куртенэ [Электронный ресурс] / Д. В. Сичинава. – Режим доступа : <https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin-2017-2/Baudouin-2017-2-193-196.pdf>. – Дата доступа : 02.09.2021.
9. Clemente, Nadia. Introduzione alla lingua resiana / Nadia Clemente. – Udine, 2020.

10. Толстой, Н. И. Из географии славянских слов / Н. И. Толстой // Толстой Н. И. Избранные труды, Т.1. Славянская лексикология и семасиология. – М. : Языки русской культуры, 1997. – С. 122–222.

Abstract. The article is devoted to the Rezyan microlanguage, which belongs to the South Slavic languages and has preserved many archaic features, both in grammar and in vocabulary and phraseology. The scientific study of the Rezyan language was started by Baudouin de Courtenay back in the 70s of the XIX century, but it still remains insufficiently researched. The article provides examples of figurative place names, it gives a brief overview of idiomatic expressions based on verbs and prepositional constructions, examines idioms with the meaning of family similarity, and also provides the main formulas used in speech practice.

Keywords: rezyan microlanguage, place names, idiomatic expressions, expression of family similarity.

УДК 811.161.1'42'371:398.92:796

Ж. Финк

О НОВЕЙШИХ СПОРТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ САМООТВЕРЖЕННОСТИ

Аннотация. В статье анализируются английские спортивные фразеологизмы *leave everything (it all) on the field (on the court, on the ice, on the floor, in the ring, in arena, etc.), play one's heart out* и соответствующие им хорватские выражения *ostaviti sve na terenu (parketu), igrati sa srcem, ostaviti / ostavljati srce na terenu (parketu, travnjaku, ledu itd.)*. Отмечается употребительность аналогичных выражений с соматическим кодом в иных южнославянских языках.

Ключевые слова: спортивный фразеологизм, семантическое поле «самоотверженность», соматический компонент, калька, контаминация.

1. Концепт «героизм» предполагает определенный вид поведения и свершения человека, требующих от него «напряжения духовных и физических сил, проявления мужества, храбрости и самоотверженности» [1, с. 3]. Или, как указывается в дальнейшем тексте автореферата *Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира* Д. А. Голубева, в основе данного поведения находятся такие качества, «как смелость, храбрость, мужество, самоотверженность и самопожертвование, выражающиеся в преодолении страха перед опасностью и готовностью пожертвовать собственной жизнью при совершении полезного людям поступка» [1, с. 8]. Интересно, что лексема *героизм* подобным образом определяется и в *Большом толковом словаре русского языка*, т. е. она определяется через следующие понятия: самоотверженность, самопожертвование в критической обстановке, мужество, способность к совершению подвига [2, с. 200]. Надо напомнить, что ситуации, в которых проявляется героическое поведение, чаще всего возникают в военное время: на войне человек совершает подвиги, связанные с защитой родины от врагов. Но это не значит, что и в мирное время человек не может показать себя героем. Есть случаи, в которых можно спасать людей и помогать им в чрезвычайных ситуациях, а помимо этого, данное поведение иногда становится характерным как в области культуры и искусства, так и в спорте, где культурные деятели и спортсмены добиваются значительных результатов [1, с. 11].

Сразу заметно, что оба источника, определяя понятие *героизм*, в качестве одного его элемента упоминают самоотверженность. К чему это относится? В словарях данное существительное определяется через слово *самоотверженный*, от которого оно и образовано, и связывается с книжным словом *самоотвержение*. Значит, лицо, для которого